

Виктория УШИНСКЕНЕ
Вильнюсский университет

О некоторых аспектах функционирования пейоративной лексики

В каждом языке существует целый пласт оценочной лексики, основным назначением которой является не столько выражение действительного отношения говорящего к собеседнику, сколько отражение сиюминутного настроения говорящего, его эмоционально-психического состояния. Формирование более или менее объективного отношения к собеседнику подразумевает хотя бы поверхностное знакомство с ним, однако реально выбор оценочного слова зачастую определяется не знакомством, а случайной ситуацией и относится к совершенно постороннему человеку. Вышесказанное в полной мере относится к лексике уничижительного характера, в изобилии функционирующей в русском языке, но до сих пор остающейся недостаточно изученной в системном (групповом) аспекте, в частности — в отношении путей ее формирования и развития [Трубачев 1965, 131]. Интересно было бы выявить основные принципы номинации внутри отмеченной группы, определить соотношение денотативного и коннотативного элементов значения в процессе приобретения оттенка пейоративности.

В качестве объекта предварительного исследования нами были выбраны несколько пейоративных наименований человека, активно функционирующих в современном русском языке, в том числе в качестве брани: *мурло, мымра, падаль, падла, подонок, сволочь, хмырь*. Лексика отбиралась в соответствии с той установкой, чтобы одна ее часть была этимологически прозрачной (*падаль, подонок, сволочь*), другая в той или иной степени оказалась подверженной дестимологизации, так что восстановление внутренней формы требовало бы определенных сознательных усилий и специальной подготовки. Указанные слова были предложены для сравнительного толкования студентам-славистам, при этом нас интересовали следующие моменты: совпадут

ли полученные определения с актуальными дефинициями в словарях современного языка; удастся ли респондентам отразить семантические особенности каждого наименования на фоне других слов в группе; как будет представлено соотношение денотативного и эмотивного элементов значения и, наконец, выявится ли связь предложенного толкования слова с его этимологическим значением или с промежуточными этапами семантической эволюции. Анкетирование проводилось в аудитории в течение получаса, так что студенты должны были ориентироваться исключительно на собственную языковую и лингвистическую компетенцию. В качестве респондентов была выбрана группа студентов 3 курса, знакомых лишь с основами исторического языкознания, а также — группа 4 курса, закончившая изучение исторической грамматики.

Анализ результатов анкетирования показал, что наиболее четкое толкование, вполне соответствующее словарному, получило пейоративное *падаль*, сохраняющее прозрачную связь с первичным нейтральным значением ‘труп животного’, а также с производящим глаголом *падать* — *пасть* (ср. производную от *падать* лексему *падалица* ‘упавший плод’), в том числе — в его переносных значениях ‘умереть, погибнуть’ (ср. *пасть на поле боя*) и ‘морально деградировать’ (ср. *упасть в чьих-то глазах, падший человек*). Большинство анкет содержало следующую дефиницию: 1) ‘труп павшего животного, мясо такого животного’; 2) ‘подлый, павший человек низких моральных принципов’, собир. ‘отбросы общества’. Более субъективные толкования также указывали на связь с прямым денотативным значением слова *падаль*: ‘деградирующие люди, от которых воняет’; ‘никчемные люди с разлагающимся сознанием’; ‘падшая женщина’. Многие студенты отметили, что употребили бы это слово скорее для выражения презрения, нежели злости. Любопытно, что лишь пять человек из двадцати опрошенных попытались сопоставить генетически тождественные лексемы *падаль* и *падла*, характеризуя последнее как гораздо более грубое. Большинство респондентов истолковали его как вульгарное определение не порядочного, подлого человека, способного “сделать *западно*”, то есть поступить низко, недостойно. Отмечалось, что слово *падла* принадлежит блатному жаргону, а также, что оно может употребляться в качестве междометия для выражения крайнего раздражения, злости или обиды.

Особенности функционирования данного слова, выявленные на фоне родственного образования *падаль* частично обусловлены его историей: наличие группы *-дл-* свидетельствует о западнославянском происхождении данной лексемы, русским языком она была заимство-

вана из польского, вероятно, при посредничестве украинского и белорусского [БСРЖ, 415]. Генетически лексема *падла* представляет собой реликтовую форму действительного причастия прош. вр., подвергшуюся субстантивации. Согласно *Словарю... В. Даля* [III, 7] бытование этого слова в первичном значении 'падаль, дохлятина' в русском языке было ограничено западным регионом, уступая собственно русскому *падаль*. Возможно, именно поэтому дальнейшее семантическое развитие формы *падла* оказалось связанным с его пейоративным употреблением*

Не вызвало особых затруднений и толкование слова *подонок*: большинство опрошенных, даже не будучи знакомыми с устаревшим и диалектным значением мн. ч. *подонки* 'то, что осталось на дне, осадок, гуща' [Даль III, 192], соотнесли его с производящей основой *дно*, предложив следующую дефиницию: 'никчемный человек, оказавшийся на дне жизни, подлец, преступник'. Думается, именно активное функционирование фразеологизма *оказаться на дне жизни* сыграло решающую роль в сохранении генетически обусловленной ассоциативной связи слов *подонок* и *дно* в сознании респондентов. Эмоциональная составляющая значения опять же была в основном охарактеризована как презрение. Отмечалось, что форма ед. ч. может относиться только к мужчине, в то время как предыдущее наименование — *падаль* — функционирует как существительное общего рода.

Любопытно, что этимологически прозрачное *сволочь* ни одним из респондентов не было соотнесено с омонимичной формой производящего глагола *сволочь* — *сволакивать*, хотя некоторые из участников анкетирования посещали спецкурс по этимологии. Причину этого, по всей вероятности, следует усматривать в выпадении из системы современного языка промежуточных этапов семантического развития слова, а именно — собирательных значений: 'мелкие существа или предметы (собранные в одном месте)', 'люди низкого звания, сброд, подонки', известных еще литературному языку конца XIX–начала XX вв. [ССРЯ 13, 444–446]. В результате такой утраты слово стало использоваться исключительно в качестве брани, его денотативное содержание отступило на второй план, стало расплывчатым, аморфным, уступая место экспрессивному наполнению. Не случайно почти все анкеты продемонстрировали достаточно личностный подход к толкованию данного слова, напр.: 'очень подлый человек, способный

---

* Подробнее о происхождении и особенностях функционирования рус. *падло/падла* см. [Ушинскене 2003].

“подложить свинью”», ‘бессовестный негодяй, человек намеренно совершающий гадости по отношению к другим’, ‘крайне безнравственный человек’, и начисто лишённое денотативного содержания — ‘очень обидное обращение как к мужчине, так и к женщине’.

Этимологически менее прозрачные наименования *хмырь* и *хмыря*, всегда остававшиеся на периферии литературного языка (первое не отмечено даже в БАС) получили довольно разнообразные толкования. Абсолютно единодушно респонденты сошлись лишь в том, что первое может относиться исключительно к мужчине, второе же, напротив, к женщине, хотя в действительности оба слова до относительно недавнего времени функционировали как формы общего рода. Лексеме *хмырь* ← праслав. **hmyr-/*hmyr-* ‘темный, затянутый, хмурый’ [ЭССЯ 8, 44–45], первоначально обозначавшей хмурого, нелюдимого человека, были приписаны значения ‘мужчина, ведущий уединенный (стариковский) образ жизни’, ‘угрюмый отшельник’, ‘вредный, замкнутый, скупой человек’, что в принципе не слишком расходится с внутренней формой слова. Примечательно, что три человека из старшей группы, видимо, памятуя о праславянской альтернативности *-и/-у-*, непосредственно связали данное наименование с генетически тождественным прилагательным *хмурый*, а один человек — с родственным ему глаголом *охмурять*.

Пейор. *хмыря* приводится в БАС [ССРЯ 6, 1417] как просторечное наименование несообразительного, глупого, вялого человека. В говорах данная лексема и ее фонетические варианты — *хмыря*, *хмыря*, *хмыря* отмечены в значениях ‘домосед’, ‘ротозей, зевака’, ‘угрюмый, скучный человек’ [Даль II, 359; СРНГ 19, 57], тоже не лишённых оттенка пейоративности. Формально и семантически упомянутые существительные соотносятся с диалектными глагольными формами *хмыреть* ‘невнятно говорить’ [СРНГ 19, 57], *хмыреть* ‘шамкать’ [СРНГ 18, 345], в свою очередь имеющими точные соответствия в других славянских языках: ср.: польск. *tamrótac* ‘бормотать’, диал. *tamrać*, *mimrać*, *hmyrać* ‘то же’ [Karłowicz II, 870; Brückner 1927, 384]. Последние рассматриваются в этимологической литературе как продолжения (с метатезой в группе **-rm-*) праславянской глагольной основы **tmyr-* ‘бормотать, неясно говорить’, имеющей звукоподражательное происхождение [ЭССЯ 20, 250–252]. Именно звукоподражательностью объясняется высокая степень фонетической вариантности данной основы [Осипова 1989, 165]. Развитие пейоративного значения в данном случае предполагает следующую семантическую эволюцию: ‘невнятно говорящий’ → ‘угрюмый, ворчун’/‘рохля’ → ‘вообще неприятный человек’ [см. также: Ушинскене 2001, 167–168].

Как уже отмечалось, рус. *мымра* первоначально функционировало как форма общего рода (что еще фиксирует БАС), однако все наши респонденты единодушно отметили, что в настоящее время данное наименование может относиться только к женщине. Попытки уточнения значения слова свелись в основном к широкому, размытому толкованию типа: 'женщина с очень плохим характером и неприятной, неухоженной внешностью', 'вредная, склочная, злая, всегда всем недовольная, зануда'. Однако трое из опрошенных, совершенно неожиданно для нас, представили дефиниции, очень близкие к семантике, восстанавливаемой на этимологическом уровне: 'особа, с которой трудно договориться, ворчливая, некоммуникабельная'. Вероятно, столь точное попадание было обусловлено произвольным (а возможно, и осознанным) соотношением звучания рус. *мымра* с генетически тождественными литовскими глаголами *turmėti, marmėti*, сохраняющимися в литовском языке в первоначальном значении 'неясно говорить, бормотать, мямлить'

Последнее слово *мурло* не имеет однозначной этимологической интерпретации; предположительно оно может быть связано с праслав. *mura 'грязь, осадок, подонки' [ЭССЯ 20, 191]. Употребление рус. *мурло* в качестве пейоративного наименования человека основано на совершенно прозрачных семантических отношениях: 'морда животного' → 'широкое, толстое, некрасивое лицо человека' → 'человек с некрасивым толстым лицом' [ср.: ССРЯ 6, 1374]. Последнее значение закреплено также в прилагательном *мурластый*. Анкетирование, однако, показало, что употребление слова *мурло* в качестве экспрессивно-бранного наименования вытесняет из его семантической структуры денотативную соотношенность с конкретным признаком: только половина респондентов отметила связь со значением 'морда, толстое лицо'. Другие же привели толкования типа: 'некультурный, наглый, нахальный мужчина, хам', 'человек, во всем ищущий выгоду', а также противоположное значение 'замкнутый, некоммуникабельный, несмелый человек', отмечая, что воспринимают данное наименование как очень грубое, граничащее с ненормативной лексикой.

Таким образом, проведенное анкетирование позволило сделать следующие выводы: 1) предложенные студентами толкования в значительной степени отличаются от соответствующих словарных дефиниций и отражают не только языковую, но и лингвистическую компетенцию респондента (в частности, его осведомленность в области исторического языкознания); 2) наиболее четкие толкования были

предложены в тех случаях, когда семантика современного слова сохраняет некую связь с его первичной денотативной соотносительностью, напротив, экспрессивно-пейоративная коннотация усиливается там, где данная связь оказывается нарушенной.

ЛИТЕРАТУРА

- БСРЖ = Мокшенин В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург, 2001.
- Даль В.И., 1880–1882 (1955): *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–VI. Изд. 2-е. Санкт-Петербург–Москва.
- Осипова М.А., 1989: К этимологии рус. *мормыш*, *мормышка*, in *Этимология*, 1986–1987. Москва. 164–171.
- СРНГ = Филин Ф.П. (ред.), *Словарь русских народных говоров*, т. I–. Ленинград (Санкт-Петербург), 1966–.
- ССРЯ = *Словарь современного русского языка*, т. I–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.
- Трубачев О.Н., 1965: Этимологические мелочи, in *Этимология*, 1964. Москва, 131–134.
- Ушинскене В., 2001: Этимологические заметки. II (К вопросу об использовании диалектных и исторических данных в этимологии), *Slavistica Vilnensis*, 2001. Вильнюс, 167–171. (Kalbotyra 50(2).)
- Ушинскене В., 2003: Рус. *падло/падла* (из истории пейоративной лексики), *Slavistica Vilnensis*, 2003. Вильнюс, 193–196. (Kalbotyra 52(2).)
- ЭССЯ = Трубачев О.Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*, т. I–. Москва, 1974–.
- Brückner A., 1927: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego* ułożony pod redakcją I. Karłowicza, A. Kryński, W. Niedźwiedzkiego, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1927 (1952–1953).